

Н. Я. Грот

Сновидения как предмет научного анализа

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 159.9
ББК 88
Г89

Г89 **Грот Н.Я.**
Сновидения как предмет научного анализа / Н. Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2018. – 70 с.

ISBN 978-5-458-53819-0

ISBN 978-5-458-53819-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СНОВИДѢНІЯ,

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ НАУЧНАГО АНАЛИЗА.

(Рѣчь, произнесенная на годовичномъ актѣ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Ивжипѣ, 30 Августа 1877 г., и. д. профессора философіи Н. Я. Гротомъ.)

Мм. Гг.

Законъ постепенности есть общій законъ развитія. Какъ въ общественной жизни народа постановка того или другого вопроса, осуществленіе какого либо преобразованія зависятъ не столько отъ произвола государственныхъ дѣятелей, управляющихъ страню, сколько отъ естественнаго хода событій, постепенно выдвигающаго на очередь тѣ или другія стороны общественнаго быта, такъ и во всѣхъ другихъ, болѣе тѣсныхъ или еще болѣе широкихъ, сферахъ человѣческой дѣятельности порядокъ отдѣльныхъ моментовъ въ большей мѣрѣ зависятъ отъ сложнаго взаимодействія неодушевленныхъ фактовъ, чѣмъ отъ сознательнаго почина одушевленныхъ дѣятелей.

Въ *науку*, которая представляетъ продуктъ самой сложной дѣятельности человѣка, законъ постепенности сказывается съ особенною силой. Въ вопросахъ, ею предъявляемыхъ и разрѣшаемыхъ, мы видимъ правильную смѣну, которую ученый не только не можетъ нарушить, но часто даже не въ состояніи объяснить. Поэтому въ каждой ея области есть вопросы, надъ которыми тысячи умовъ работали втеченіи многихъ столѣтій, сознавая ихъ важность и не будучи однакоже въ силахъ поставить ихъ на правильную почву.

На одномъ изъ такихъ вопросовъ въ области *психологій*, т. е. наукъ о психическихъ отправленияхъ человѣка, я намѣренъ остановить благосклонное вниманіе Ваше, м. г. Одинъ изъ самыхъ туманныхъ феноменовъ нашей духовной жизни есть феноменъ *сновидѣній*. Такъ какъ

вопросъ о происхожденіи и значеніи сповъ представляетъ живой интересъ для каждаго мыслящаго челоѣка и въ тоже время наблюденіе и оцѣнка этой группы явленій по преимуществу отличаются общедоступностью, то я и позволилъ себѣ предпочесть для публичной бесѣды эту тему всѣмъ другимъ любопытнымъ психологическимъ темамъ.

Вопросъ о сновидѣніяхъ находится въ неразрывной связи съ вопросомъ о значеніи сна въ нашемъ обиходѣ; поэтому мы должны спросить себя прежде всего: какую специальную задачу выполняетъ сонъ въ существованіи организма?

Біологія прочно установила дѣленіе отправленій этого послѣдняго на двѣ главные группы. Одну она называетъ *животною*: это тѣ функціи, которыя составляютъ собственное содержаніе и настоящій смыслъ *жизни*; сюда относятся всѣ процессы организма, связанные съ нашими движеніями и стремленіями, воспріятіями и аффектами, т. е. съ нашей дѣятельностью и воспріимчивостью вообще. Животныя отправленія составляютъ исключительно статью расхода нашихъ силъ. Для восполненія этого расхода необходимо нуженъ другой рядъ отправленій, который бы возобновлялъ потраченные ткани организма. Такой рядъ отправленій дѣйствительно существуетъ и называется *растительнымъ*: сюда относятся питаніе, дыханіе, кровообращеніе и т. д. Благодаря взаимодействию и правильной смѣнѣ этого двойнаго ряда процессовъ, мы всегда въ состояніи тратить проценты съ того капитала силъ, который называется организмомъ, такъ какъ эти проценты постоянно вновь нарастаютъ при помощи растительныхъ функцій. Вся задача наша только въ томъ, чтобъ расходъ соразмѣрять съ приходомъ и, по возможности, не позволять себѣ трогать драгоцѣннаго и трудно возобновимаго капитала.

Предположеніе, что контрастъ бдѣнія и сна соотвѣтствуетъ контрасту животной и растительной жизни организма, возникало въ умѣ многихъ изслѣдователей ¹⁾, и мы не можемъ отрицать по крайней мѣрѣ того факта, что во снѣ растительная жизнь беретъ перевѣсъ надъ животною ²⁾, на яву на оборотъ.

¹⁾ ср. Volkmann, Lehrbuch d. Psychol. 1875, B. I, p. 392, anm. 3. Macnish въ Philosophy of Sleep, p. 12, говоритъ прямо: Sleep is the suspension of animal life, and during its continuance the creature is under the influence of organic life *alone*. Ср. также Perty, Myst. Ersch. d. menschl. Natur, B. I, p. 67: Steigt man im Thierreiche aufwärts, so findet man, dass der Gegensatz von Schlaf und Wachen um so stärker und ausgeprägter ist, um so regelmässiger wiederkehrt, je differenter sich das animale und vegetative Nervensystem ausgebildet haben.

²⁾ О фізіологическомъ значеніи сна ср. подробности Carpenter, Mental physiology, 1876 p. 568.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить съ одной стороны свѣжесть только что пробужденнаго человѣка съ утомленіемъ засыпающаго, затѣмъ духовную энергію бодрствующаго съ духовной немощью спящаго. Но если днемъ организмъ нашъ совершаетъ по преимуществу такъ называемыя животныя отправления, ночью, т. е. во снѣ, растительныя, то все таки и на яву *продолжаются, начинаются или заканчиваются* обновленіе нашихъ тканей—въ формѣ припята пищи и питія, процессовъ дыханія, кровообращенія и т. д., точно также во снѣ *продолжаются или зарождаются* постепенно тѣ воспріятія, мысли, чувства и желанія, которыя составляютъ содержаніе духовной жизни во время бдѣнія. Эти *продолжающіеся или начинающіеся проблески сознанія во снѣ* и составляютъ тотъ феноменъ, который называется *сновидѣніемъ*.

Изъ такого опредѣленія какъ будто бы вытекаетъ, что сновидѣнія составляютъ *спорадическое* явленіе во снѣ и отнюдь не сопровождаютъ его съ неизбѣжностью. Между тѣмъ предположеніе это раздѣляютъ далеко не всѣ психологи, а потому второй вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, состоитъ въ томъ, на сколько неизбѣжна и неразрывна связь, соединяющая состояніе сна съ явленіемъ сновидѣній, или вопросъ о возможности или невозможности сна *безъ сновидѣній*.

Древніе мыслители склонялись по большей части къ предположенію, что сонъ безъ сновидѣній возможенъ. Геродотъ и Плутархъ приводятъ примѣры въ подтвержденіе этой мысли, а Аристотель прямо указываетъ на тѣ случаи, когда сновидѣнія отсутствуют¹⁾, и даже говоритъ о людяхъ, которые никогда втеченіи своей жизни не грезятъ во снѣ²⁾. Въ исторіи новой философіи мы видимъ наоборотъ преобладаніе убѣжденія въ невозможности сна безъ сновидѣній. Основаніе этому убѣжденію положилъ Декартъ, по мнѣнію котораго сущность мысли состоитъ въ томъ, чтобъ дѣйствовать непрерывно. Спящая душа, спящая мысль, т. е. мысль немыслящая—*contradictio in adjecto*, значитъ сновидѣнія, какъ проблески мысли во снѣ, должны продолжаться безъ перерыва. Того же взгляда держался Лейбницъ, затѣмъ Кантъ, который говорилъ, что безъ той внутренней движущей силы, которая сказывается въ

¹⁾ Aristot. *Περὶ ἐνυπνίων* Op. I. 461, a. 11.

Διὸ καὶ μετὰ τὴν τροφὴν καὶ πάλιν νύκτι οὖσιν, οἷον τοῖς παιδίοις, οἱ γίνονται ἐνυπνία.

²⁾ *ib.* 462, a. 31. "Ἦδη δὲ τις συμβέβηκεν ὥστε μὴδὲν ἐνυπνιον ἐωραχέναι κατὰ τὸν βίον.

сновидѣнiяхъ, (ohne die niemals der Schlaf ist), сонъ, даже въ здоровомъ состоянiи, былъ бы полнымъ потухаемеръ жизни (Erlöschen des Lebens) ¹⁾. Послѣ Капта въ Германскихъ психологическихъ школахъ это положенiе, развиваясь, дошло до извѣстнаго парадокса Фортлаге, что мы живемъ на столько, на сколько спимъ, и, просынаясь, начинаемъ умирать, т. е. изъ болѣе духовной, а слѣдовательно и сознательной, жизни переходимъ въ менѣе духовную и сознательную. Во Францiи положенiе Декарта удержалось въ болѣе чистой формѣ, и можно назвать рядъ психологовъ-спиритуалистовъ нынѣшняго вѣка, которые брали или берутъ его въ основу своихъ теорiй сна. Между ними достаточно назвать Jouffroy и Lélut ²⁾.

Особенность теорiи Jouffroy состоитъ только въ томъ, что онъ доказываетъ необходимость постоянной дѣятельности ума во снѣ примѣрами различнаго дѣйствiя внѣшнихъ впечатлѣнiй на спящаго. Если человѣкъ пробуждается подъ влiянiемъ извѣстныхъ слабыхъ звуковъ (напр. слабыя стоны и вздохи больного) и продолжаетъ спать при сильныхъ (шумъ экипажей на улицѣ), то только потому, что пробужденiе есть актъ воли, который мотивируется оцѣнкою умомъ во снѣ относительной важности достигающихъ до него впечатлѣнiй ³⁾. Но при этомъ Jouffroy впадаетъ въ неизбѣжное противорѣчiе: если не умъ спитъ во снѣ, то очевидно должны спать органы чувственныхъ впечатлѣнiй, ибо какое же было бы ипаче отличiе между психическою жизнью спящаго и бодрствующаго? И дѣйствительно авторъ предполагаетъ, что притокъ чувственныхъ впечатлѣнiй во снѣ прекращается (les sens s'engourdissent dans le sommeil) ⁴⁾; но если такъ, то какъ же возможно напр., чтобъ умъ во снѣ продолжалъ измѣрять время по ударамъ часового маятника, что по мнѣнiю Jouffroy необходимо предположить для объясненiя способности нашей просыпаться въ опредѣленный часъ ⁵⁾. Спорадически прорывающихся сквозь завѣсу сна впечатлѣнiй недостаточно, конечно, для объясненiя этихъ и другихъ фактовъ, приводимыхъ авторомъ. Итакъ новое доказательство, приводимое Jouffroy въ пользу Декартоваго положенiя, ведетъ къ явнымъ противорѣчiямъ. Что же

¹⁾ Werke (A. v. Rosenkranz), IV Th., p. 264 и 265; ср. также X Th., p. 372.

²⁾ Последний даже открыто признаетъ себя послѣдователемъ Декартоваго положенiя; la pensée pense toujours, c'est là sa nécessité, son essence (Physiol. de la pensée. P. 1862, t. II, p. 446).

³⁾ Mélanges philos. P. 1875 (5-me éd), p. 226—234.

⁴⁾ loc. cit. p. 234.

⁵⁾ loc. cit. p. 233.

касается до основной, старой исходной аксіомы о невозможности полного покоя мысли, то несостоятельность ея очевидна. Если брать понятіе ума *realiter*, какъ понятіе цѣльной, недѣлимой силы, то дѣйствительно ничѣмъ нельзя объяснить перемежающихся переходовъ его изъ состоянія дѣятельности въ состояніе покоя, которые предполагаются гипотезой спорадическихъ проблесковъ сознанія въ сновидѣніяхъ; но понятіе реальныхъ силъ давно изгнано изъ научной психологии, оно замѣнено понятіемъ функціальной зависимости психическихъ актовъ отъ состояній нервной системы, а при такомъ положеніи вопроса говорить о непрерывной работѣ мышленія, значило бы утверждать возможность непрерывной работы головного мозга. Между тѣмъ есть доказательства противъ такого утвержденія, столько же фізіологическія, основанныя на виѣшнемъ наблюдении, сколько и психологическія, вытекающія изъ самонаблюденія. Во первыхъ, нѣтъ органа въ нашей нервной системѣ, который бы могъ дѣйствовать непрерывно. Есть фізіологи, которые предполагаютъ, что даже непрерывное движеніе сердца и легкихъ регулируется во снѣ другими центрами иннервации, чѣмъ на яву ¹⁾. Съ другой стороны наблюденія фізіологовъ при трепанацияхъ (искусственныхъ вскрытіяхъ) мозга (Блюменбахъ, Дурхамъ, Гаммондъ и др.) привели къ заключенію, что головной мозгъ, главный центръ психической сознательности, дѣйствительно находится во снѣ въ особыхъ фізіологическихъ условіяхъ, заставляющихъ предполагать возможность полной его бездѣятельности ²⁾. Наконецъ состояніе эмбриона, а также физическій характеръ жизни ребенка въ первые мѣсяцы тоже говорятъ въ пользу предположенія, что головной мозгъ можетъ находиться въ полномъ усыпленіи, при большой интенсивности растительныхъ отправленій ³⁾. Что касается до непрерывной дѣятельности продолговатаго мозга во снѣ, на которой настаиваютъ нѣкоторые фізіологи (Huschke), то во первыхъ едва-ли она касается *однихъ и тѣхже* центровъ этого органа, во вторыхъ едва-ли можно отсюда выводить предположеніе о переселеніи *психической дѣятельности* во снѣ въ этотъ второстепенный органъ соз-

¹⁾ ср. Luys. Recherches s. le syst. nerv. P. 1865. p. 448: ... le rythme si particulier que prennent les mouvements inspiratoires pendant la période de collapsus du cerveau, leur succession si mesurée, leurs caractères si franchement automatiques, nous portent à penser qu'ils ont cessé d'être régis par les mêmes foyers d'innervation que ceux, qui les suscitent pendant l'état de veille.

²⁾ блѣдность кровяныхъ сосудовъ и уменьшеніе объема мозга, ср. Carpenter, loc. cit. p. 571.

³⁾ ср. Perty, Die Natur im Lichte philosoph. Anschauung. Leipzig. 1869. p. 621.

нанія ¹⁾ и говорить о специально-чувственномъ характерѣ сновидѣній (Empfindungsbewusstsein); извѣстно, что сны могутъ имѣть и абстрактное содержаніе ²⁾. Итакъ центры высшей сознательности могутъ, вѣроятно, приходить въ состояніе полного покоя, и это не мѣшаетъ продолженію автоматической дѣятельности низшихъ центровъ ³⁾. Изъ непрерывности этихъ автоматическихъ движеній нельзя, подобно Lelut ⁴⁾, вывести заключеніе о непрерывности сознанія, потому что эти движенія и на яву могутъ происходить безсознательно ⁵⁾. Еще менѣе правильно прибѣгать къ парадоксу относительнаго значенія понятій совнательности и безсознательности и спрашивать себя, не есть ли безсознательность только весьма слабая доля сознательности ⁶⁾; съ этой точки зрѣнія всѣ контрасты — покоя и движенія, темноты и свѣта, сна и бдѣнія совершенно исчезнуть, и ни одного термина языка нельзя будетъ употреблять, не прибавляя къ нему безчисленныхъ оговорокъ. Приемъ математиковъ, состоящій въ признаніи бесконечно малыхъ величинъ равными нулю, долженъ имѣть мѣсто во всѣхъ наукахъ.

Съ психологической точки зрѣнія бесконечная градація въ ясности сознанія, извѣстная намъ изъ самонаблюденія, заставляетъ непременно предполагать такой минимумъ, который долженъ быть приравненъ нулю, и Штрюмпель справедливо считаетъ это предположеніе однимъ изъ главныхъ психологическихъ доводовъ въ пользу бездремнаго ⁷⁾ сна (traumloser Schlaf) ⁸⁾. Но есть и другія психологическія соображенія, не менѣе важныя. Тотъ же Штрюмпель указываетъ напр. на возможность заключать изъ различныхъ внутреннихъ опытовъ, что наше сознаніе не безъ перерыва длится во времени и пропадаетъ въ иные его моменты ⁹⁾. Съ другой стороны нельзя совершенно пренебрегать, по на-

¹⁾ Объ этой теоріи и ея основаніяхъ см. Horwicz, Psychologische Analysen. I Th. Halle. 1872. p. 248—250.

²⁾ ср. Burdach, Physiol. als Erfwiss. III B. p. 495.

³⁾ ср. Hartmann, Philos. des Unbew. S. 704.

⁴⁾ loc. cit. t. II, p. 447. и слѣд.

⁵⁾ Безсознательны они конечно и въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ мѣсто послѣ вырѣзанія большого мозга у животныхъ въ извѣстныхъ опытахъ Флуранса и другихъ физиологовъ.

⁶⁾ ср. Horwicz, loc. cit. p. 243.

⁷⁾ Прилагательное „бездремный“ мы произвели отъ существительнаго дрема. Употребленіе слова „дрема“ вмѣсто „сновидѣнія“ мы надѣемся оправдать впоследствии.

⁸⁾ Strümpell. Die Natur u. Entstehung der Träume. Leipz. 1874, p. 13.

⁹⁾ loc. cit. p. 13 и 15.

шему мнѣнію, и утвержденіями тѣхъ лицъ, которыя говорятъ что никогда не видятъ сновъ ¹⁾. Конечно бываютъ сновидѣнія, отъ которыхъ потомъ, при пробужденіи, нѣтъ совершенно никакихъ слѣдовъ въ сознаніи, но всетаки трудно предположить, чтобъ человѣкъ, который въ теченіи сорока лѣтъ своей жизни не могъ, при всемъ желаніи, найти такихъ слѣдовъ, постоянно, т. е. ежечасно и ежеминутно, во время сна, грезилъ этою именно формою «безпамятныхъ» сновидѣній; гораздо вѣроятнѣе, что если онъ иногда и грезилъ слабо, то по большей части всетаки пребывалъ въ совершенной безсознательности. Наконецъ безчувственность къ весьма сильнымъ впечатлѣніямъ тоже представляется весьма важнымъ фактомъ. Карпенгеръ рассказываетъ случай съ капитаномъ военного корабля, который заснулъ однажды возлѣ одного изъ самыхъ большихъ орудій своего судна и проспалъ два часа, при непрерывно продолжавшихся пушечныхъ выстрѣлахъ. Онъ же повѣствуетъ о способности индѣйцевъ Сѣверной Америки засыпать во время истязаній, въ плѣну, при малѣйшемъ ослабленіи ихъ мукъ ²⁾. Трудно предположить, чтобъ при условіяхъ такого перваго изнеможенія была возможна та дѣятельность нервныхъ центровъ, которая вызываетъ дремы. Итакъ рѣшительно всѣ наблюденія заставляютъ думать, что сонъ отнюдь не съ неизбѣжностью сопровождается феноменомъ сновидѣній, хотя можетъ быть въ большинствѣ случаевъ ихъ параллельность и слѣдуетъ допустить ³⁾, и лица, несогласныя съ этимъ, должны привести въ пользу обратнаго положенія доказательства болѣе вѣскія, чѣмъ метафизическій постулатъ Декарта. Работа мозга во снѣ, предполагаемая дремами, не можетъ и не должна длиться непрерывно, такъ какъ она имѣетъ случайный и второстепенный характеръ: сонъ, въ обиходѣ организма, имѣетъ значеніе растительнаго момента ⁴⁾ и феноменъ сновидѣній надо разсматривать какъ продуктъ незаконнаго, хотя и неизбѣжнаго время отъ времени, *вторженія* въ область растительной жизни непрошенныхъ отголосковъ

¹⁾ Ридъ увѣряетъ, что онъ въ теченіи сорока лѣтъ не грезилъ (Reid, Works, Edinb. 1872, vol. I, p. 34, a); извѣстно, что Лессингъ утверждаетъ тоже самое относительно всей своей жизни.

²⁾ Carpenter, loc. cit., p. 570, a. b.

³⁾ ср. Strümpell, loc. cit., p. 15.

⁴⁾ Причинная зависимость сна и растительныхъ функцій доказывается многими явленіями въ жизни организма. Голодъ—врагъ сна, сытость вызываетъ ко сну. Змѣи, напр. Boa, не спятъ по нѣскольку сутокъ, пока не окончится успѣшно ихъ охота, а наѣвшись, обратно, спятъ глубокимъ сномъ втеченіи многихъ дней. Притомъ во снѣ усиливается внутренній растительный обмѣнъ тканей и параллельно ему выдѣленія (ср. Macnish, loc. cit., p. 19—21, ср. ib. p. 30).

животнаго существованія организма на яву. Въ виду этого полезно различать степени интенсивности этого вторженія отъ нуля и до равнодѣйствія, характеризующаго явленіе *полусна*.

Хотя градація въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, непрерывна, однако естественно являлись попытки отмѣтить ея главные моменты. Одни психологи берутъ для составленія скалы нормальную послѣдовательность моментовъ въ обычномъ снѣ, такъ напр. Фолкманъ отличаетъ періоды сонливости, засыпанія, глубокаго сна, сна съ сновидѣніями и пробужденія ¹⁾. Другіе принимаютъ за критерій голосъ самонаблюденія, независимо отъ хронологической послѣдовательности состояній спящаго. Такъ Горвичъ отличаетъ четыре ступени, по интенсивности сновидѣній: 1) самыя живыя сновидѣнія, сопровождаемыя мышленіемъ и дѣйствіемъ—лунатическое состояніе, 2) живой, ясно воспоминаемый сонъ, 3) слабо-сознаваемое сновидѣніе, оставляющее послѣ себя только смутное и общее воспоминаніе, что мы грѣзли, 4) глубокій бездремный сонъ ²⁾. Такъ какъ Горвичъ сомнѣвается въ возможности совершенно безсознательнаго сна, то подъ четвертую категорію его подходитъ только сонъ съ *абсолютно-забываемыми* дремами и потому мы, признавъ вмѣстѣ съ Штрюмпелемъ возможность и совершенно бездремнаго состоянія, должны разбить четвертую категорію на двѣ. Съ другой стороны свою первую ступень Горвичъ выражаетъ слишкомъ неопредѣленно. Его признакъ дѣленія, очевидно, степень сознательности сна и параллельной воспоминаемости дремъ, между тѣмъ лунатическое состояніе по большей части безсознательно и не оставляетъ слѣдовъ въ памяти ³⁾; притомъ лунатическое состояніе представляетъ явленіе во всякомъ случаѣ патологическое и рѣдкое, поэтому его не слѣдуетъ принимать въ расчетъ при перечисленіи. Спрашивается, есть ли какая либо другая ступень сна, которая бы представляла признаки бѣльшей интенсивности сознательной жизни, чѣмъ какая выражена во второй группѣ Горвича? Въ этой группѣ очевидно имѣется въ виду уже тотъ рядъ явленій, въ которыхъ растительная жизнь взяла значительный перевѣсъ надъ животною, между тѣмъ какъ сномъ же называется и состояніе равнодѣйствія этихъ отправленій: *полусонъ* есть всетаки сонъ. Стало быть вмѣсто нѣсколькихъ сбивчивой скалы Горвича мы получимъ слѣдующія пять главныхъ сочетаній: 1) полусонъ, 2) сонъ съ отчетливо воспоминаемыми

¹⁾ loc. cit. I, 388.

²⁾ loc. cit. I, 242.

³⁾ ср. Franck, Dictionn. des sciences philos. P. 1875 (2-me éd). Art. Sommeil, p. 1647, а.

сновидѣніями, 3) сонъ съ смутно запоминаемыми сновидѣніями, 4) сонъ съ абсолютно забываемыми дремами, 5) абсолютно бездремный сонъ ¹⁾. Весьма вѣроятно, что мы получили бы совершенно параллельную скалу, еслибъ взялись перечислить, обратно, комбинаціи бдѣнія съ проблесками растительной жизни различной напряженности. Начиная отъ полусна, какъ нейтральной почвы (нулевая точка), мы бы вѣроятно дошли до момента абсолютнаго бдѣнія ²⁾. Но эта задача выступаетъ за предѣлы нашего вопроса и притомъ входитъ скорѣе въ область фізіологіи: мы оставимъ ее въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что состояніе полусна представляетъ точку раздѣла, точку пуля при опредѣленіи двойнаго ряда ступеней преобладанія въ организмѣ животной жизни надъ растительною и растительной надъ животною. Полусонъ—моментъ наибольшаго равновѣсія тѣхъ и другихъ функцій, оттого-то у низшихъ организмовъ, въ которыхъ дифференціація тканей и ихъ отправленій еще не выражена отчетливо, состояніе это представляется какъ бы обычнымъ: рѣзкихъ границъ между сномъ и бдѣніемъ провести невозможно. «Низшія животныя, говоритъ Бурдахъ, не приходятъ въ совершенное сознаніе, а потому имъ недоступенъ и совершенный сонъ... Только у птицъ и у млекопитающихъ мы встрѣчаемся съ настоящимъ (т. е. отчетливо выраженнымъ) сномъ, а у человѣка—съ наиболѣе совершенною его формою» ³⁾. Извѣстно, что есть даже организмы, вовсе незнакомые со сномъ (полипы) ⁴⁾, у которыхъ слѣдовательно равновѣсіе растительныхъ и животныхъ функцій постоянное. У человѣка, какъ сказано, характеры сна и бдѣнія самые рѣзкіе, ибо дифференціація между растительной и животной жизнью полнѣйшая; изъ этого можно заключать съ одной стороны, что состояніе полусна въ его обиходѣ представляется ненормальнымъ, необычнымъ явленіемъ; съ другой стороны, что нормальною представляется возможно быстрая реакція отъ сна къ бдѣнію и отъ бдѣнія ко сну.

Первое положеніе доказывается тѣмъ, что полусонъ есть всегда результатъ насильственной борьбы животной пробужденности съ всту-

¹⁾ ср. выраженіе complete Sleep у Макниша, loc. cit., p. 9.

²⁾ Такой моментъ повидимому выражается въ состояніи такъ называемаго психическаго экстаза: *иллюзія полной независимости* духа отъ вещественныхъ условій составляетъ главную характерную черту его, а наступающее по прекращеніи такого состоянія внезапное физическое изнеможеніе, повидимому, указываетъ, что почва иллюзіи заключалась во временной остановкѣ восстанавливающаго растительнаго обихода.

³⁾ loc. cit. III, p. 477.

⁴⁾ ср. Volkmann, loc. cit., I. p. 394 (анн.).

пающей въ свои права растительною потребностью къ отдыху. Въ такомъ состояніи борьбы находятся напр. солдаты, когда спятъ на ходу при утомительныхъ переходахъ ¹⁾, также мать, когда она въ полуснѣ кормитъ ребенка, и сидѣлка, дремлющая у постели больного. Ридъ приписываетъ тому же факту пассивнаго превращенія сна въ *полусонъ* способность пробужденія въ опредѣленный часъ ²⁾, когда, разумѣется, она не представляется органическою привычкою. Туманное психическое состояніе человѣка ³⁾, не во время пробужденнаго, имѣя аналогію съ состояніемъ полусна, есть тоже результатъ наслія надъ растительными потребностями, какъ и дремота слушателей на какомъ нибудь торжественномъ собраніи, когда рѣчь оратора не представляетъ для нихъ интереса ⁴⁾. Способность этихъ лицъ, при пробужденіи, механически повторить послѣднія слова, произнесенныя во время ихъ усыпленія, сближаетъ эту дремоту съ полусномъ. Наконецъ, я знаю случай, когда въ состояніи полусна было написано письмо. Смѣна разумныхъ фразъ бессмысленными, написанными неровнымъ и дрожащимъ почеркомъ, съ пропускомъ буквъ и словъ, отлично характеризуетъ психическое состояніе писавшаго, который, послѣ двухдневнаго путешествія днемъ и ночью, боролся упорно между стремленіемъ предаться отдыху и желаніемъ окончить нужное дѣло. Итакъ полусонъ есть всегда продуктъ искусственной попытки продолжить, сверхъ мѣры, періодъ бдѣнія.

Нормальность быстрыхъ реакцій въ смѣнѣ двухъ моментовъ доказывается эмпирическими наблюденіями надъ людьми, находящимися въ наиболѣе естественныхъ условіяхъ существованія. Неиспорченный организмъ ребенка также мало знакомъ съ бессонницей, какъ здоровый организмъ рабочаго простолюдина или правильно живущаго ученаго труженика ⁵⁾. Только болѣзненно-раздраженная нервная система цивилизованнаго горожанина, да и то при ненормальной жизни, предрасположена къ бессонницѣ или къ полусонной вялости послѣ пробужденія. Но если быстрыя реакціи законнѣе медленныхъ, то этимъ самымъ оправдывается неизбѣжность сновидѣній для большинства людей при началѣ и предъ концомъ сна. При быстромъ засыпаніи весьма естественнымъ

¹⁾ ср. Perty, Myst. Ersch., I, 68

²⁾ loc. cit. I, p. 34.

³⁾ Schlaftrunkenheit, по выраженію Бурдаха, loc. cit., p. 500.

⁴⁾ ср. Burdach, loc. cit., p. 486.

⁵⁾ Кантъ называетъ бессонницу ein Fehler des schwachlichen Alters, и ставитъ неспособность скоро заснуть, которая начала посѣщать его послѣ 75 л., въ зависимость отъ начинавшагося у него, по его мнѣнію, расположенія къ подагрѣ. Werke, X., p. 373.